

П. Н. Буцинскій.

КЪ ИСТОРІИ СИБИРИ:

СУРГУТЪ, НАРЫМЪ И КЕТСКЪ ДО 1645 Г.

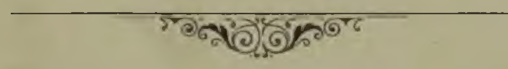

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Рыбная улица, № 28.
1893.

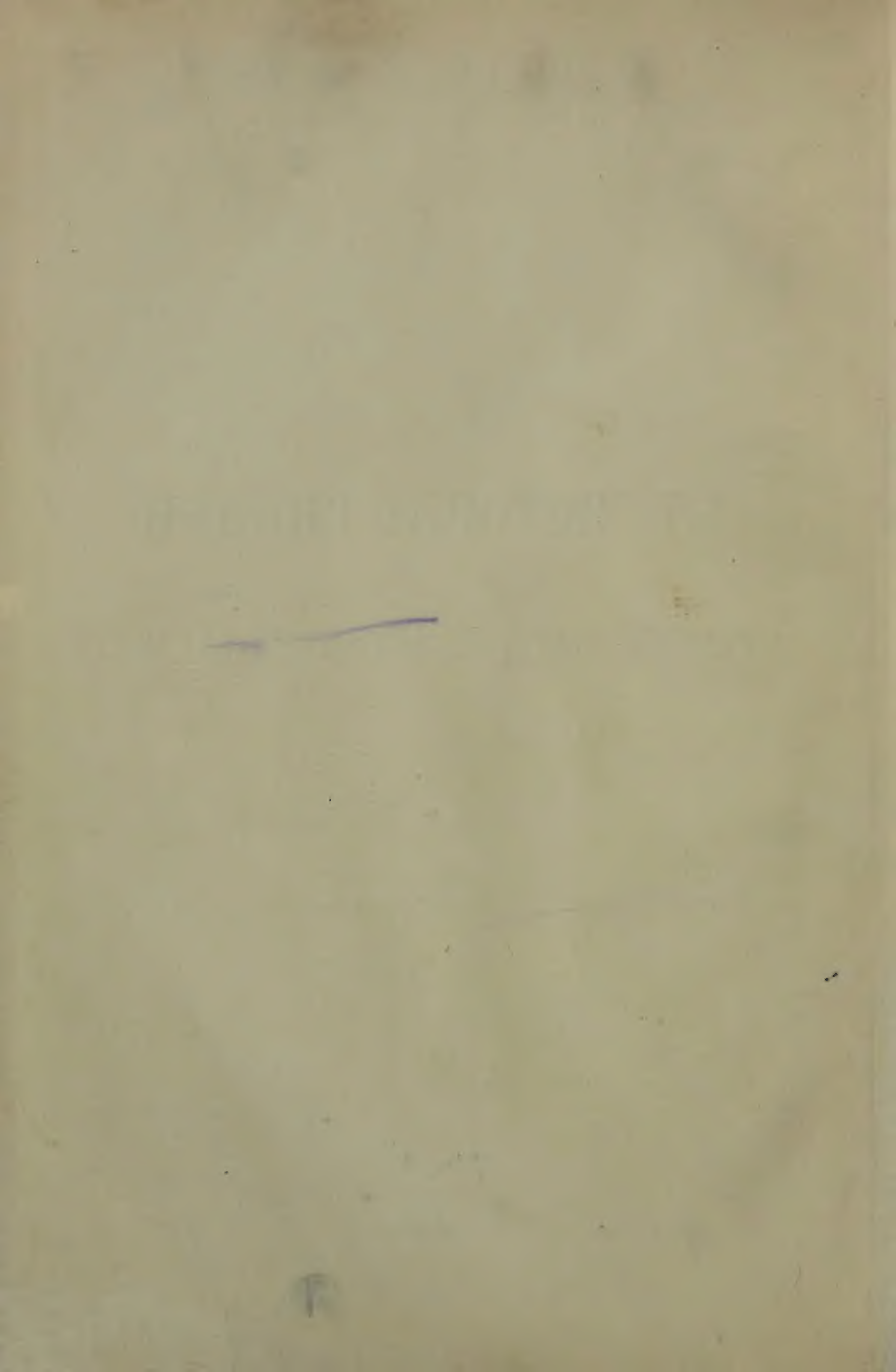
П. Н. Буцинскій.

КЪ ИСТОРІИ СИБИРИ:

СУРГУТЪ, НАРЫМЪ И КЕТСКЪ ДО 1645 Г.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Рыбная улица, № 28.
1893.

Сургутъ и Сургутскій уѣздъ (1594 г.—1645 г.).

Историческій матеріалъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что русское владычество въ Сибири прежде всего „опнулось“, по выраженію Словцова, на правомъ берегу р. Оби, при впаденіи въ нее Иртыша, въ Обскомъ городкѣ, построенномъ Мансуровымъ еще въ 1585 [1]). Остяки, жившіе здѣсь, назвали его Рутъ-Ватъ, т. е. русскій городъ, такъ какъ этотъ городокъ былъ первымъ въ Сибири, основаннымъ русскими завоевателями. Миллеръ несправедливо говоритъ, что Обскій городокъ существовалъ только одну зиму и будто-бы оный навсегда былъ покинутъ русскими послѣ оставленія его Мансуровымъ весною 1586 г. [2]). Нѣтъ, этотъ городокъ существовалъ цѣлыхъ девять лѣтъ и разрушенъ только въ 1594 г. Но въ немъ не было постояннаго населенія, а жили „годовальщики“, присылаемые изъ Тобольска для удержанія въ повиновеніи обскихъ остяковъ и сбора съ нихъ ясака. Эти годовальщики, двигаясь далѣе и далѣе вверхъ Оби за сборомъ ясака, скоро столкнулись съ Пѣгой (пестрой) Ордою или нарымскими остяками, находившимися въ то время подъ властью своего князья Вони, и захватили въ

---

[1]) См. мое изслѣд. „Заселеніе Сибири....“ стр. 82.

Въ Историческомъ атласѣ пр. Замысловскаго (изд. 1887 г.) на картѣ № 9, мы видимъ городъ „Обскій Большой“ на правомъ берегу Иртыша, не далеко отъ впаденія этой рѣки въ Обь. Но такого города никогда не существовало. Если онъ подъ Обскимъ большимъ разумѣетъ городокъ, построенный Мансуровымъ, то a) этотъ послѣдній находился на правомъ берегу Оби, a b) никогда не назывался большимъ и, вѣроятно, былъ самымъ малымъ изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ. Въ книгѣ „Бол. Черт.“ на стр. 213 есть названіе Обскій большой, но это названіе относится не къ городу, а къ Обскому большому порсыму или протоку; во время составленія Больш. Чертежа, Обскаго городка, основаннаго Мансуровымъ, уже не существовало.

[2]) „Опис. Сиб. Царства“ стр. 157—158.

плѣнъ сына послѣдняго Урунка. Когда объ этомъ узнало русское правительство, то рѣшилось воспользоваться этимъ плѣнникомъ для подчиненія своей власти князя Вони съ его народомъ. Но изъ Обскаго города вслѣдствіе отдаленности его отъ Пѣгой Орды, довольно трудно было управиться съ княземъ Воней, имѣвшемъ до 400 человѣкъ войска; поэтому Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ уничтожить этотъ городокъ, а на его мѣсто построилъ новый, поближе къ Пѣгой Ордѣ. Исполнителями этой задачи, т. е. основанія новаго города и покоренія Пѣгой Орды, были назначены князь Ѳедоръ Борятинскій и Владиміръ Аничковъ. Царскій наказъ отъ 19 февр. 1594 г., данный этимъ лицамъ, гласилъ слѣдующее: „По указу государя Ѳедора Ивановича велѣно имъ быть на службѣ въ Сибири вверхъ по Оби рѣки ставить городъ въ Сургутѣ или въ Базіонской волости, въ Лумепукѣ (Луппукъ) въ которомъ мѣстѣ удобнѣе". Еще зимою эти лица должны были прибыть въ Лозву, а оттуда, какъ вскроется ледъ, на судахъ плыть въ Обскій городъ чрезъ Пелымъ и Тобольскъ, взявъ въ этихъ городахъ служилыхъ людей по росписи, каковыя посланы пелымскому и тобольскому воеводамъ. Туда же, т. е. въ Обскій городокъ, еще велѣно прислать служилыхъ людей березовскому воеводѣ и остяцкому князю Игичею своихъ людей. А дождавшись въ Обскомъ городѣ упомянутыхъ войскъ, которымъ тамъ велѣно быть къ Петрову дню, князю Борятинскому и Аничкову предписывалось разломать и сжечь этотъ городъ, чтобы впредь ему не быть и затѣмъ идти въ назначеное мѣсто для постройки новаго города. „А пришедъ князю Ѳедору и Владиміру въ Сургутъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже высмотря мѣсто крѣпкое поставить городъ всѣми ратными людьми и тамошними остяками. Да то мѣсто написать въ росписи и на чертежѣ начертить и всякія крѣпости выписать, гдѣ станетъ городъ. Да отписать къ государю подлинно, какъ пойдутъ изъ Тобольска внизъ Иртышемъ и вверхъ по Оби и сколько будетъ ходу судамъ, чтобъ государю все было вѣдано" [1]). Изъ этого наказа видно, что городъ Сургутъ несомнѣнно построенъ лѣтомъ 1594 г. и Миллеръ несправедливо относитъ его основаніе къ 1593 г., а еще менѣе вѣрно указываетъ дату основанія Сургута Андріевичъ, голословно утверждая, что этотъ городъ заложенъ въ 1592 г., равнымъ образомъ и догадка Миллера, что Сургутъ построенъ воеводами Волконскимъ и Львовымъ, оказывается совершенно невѣрною [2]).

---

[1]) Сиб. Пр. кн. № 1 л. 24, см. Наказъ Ѳедору Борятинскому и Владиміру Аничкову.

[2]) Опис. Сиб. У. Миллера стр. 182, 195; Исторія Сибири Андріевича стр. 22.

Городъ былъ построенъ на правомъ берегу рѣки Оби при впаденіи въ нее рѣчки Сургутки [1]), т. е. почти посреди той части Оби, которая находилась между Обскимъ городомъ и Нарымомъ или Пѣгою Ордою. Какъ и всѣ сибирскіе города, Сургутъ представлялъ небольшую крѣпость съ двумя воротами, 4 башнями глухими и одной башней проѣзжей; въ ней былъ поставленъ воеводскій дворъ, тюрьма, зелейный (пороховой) погребъ и церковь, острогъ съ двумя воротами и одной проѣзжей башней; тутъ же находились и хаты для служилыхъ людей. Всѣ эти постройки воздвигнуты были въ одно лѣто 1594 г. Такой быстротѣ основаній сибирскихъ городовъ нечего удивляться: наказъ всегда предписывалъ воеводамъ строить городъ „наспѣхъ", возить лѣсъ легкій и въ постройкѣ д. б. принимать участіе не только всѣ служилые люди, но и ближайшіе инородцы. Поэтому часто случалось, что чрезъ какихъ нибудь пять лѣтъ послѣ основанія города послѣдній уже нуждался въ большомъ ремонтѣ, а лѣтъ чрезъ 15—20 воеводы доносили, что городъ совершенно ветхій и разваливается. Первоначальное населеніе Сургута состояло изъ 155 служилыхъ людей, прибывшихъ вмѣстѣ съ первыми воеводами, изъ которыхъ значительное большинство было семейныхъ, а затѣмъ изъ ружниковъ и оброчниковъ; къ послѣднимъ принадлежали: духовенство, подьячіе, толмачи, сторожа и палачъ. Но уже черезъ два года число служилыхъ людей значительно увеличилось. Подчинить русской власти Пѣгую Орду оказалось не такъ легко, какъ предполагало правительство: князь Воня не поддавался увѣщаніямъ сургутскихъ воеводъ, не хотѣлъ добровольно платить ясакъ. Нужно было употребить силу, но прежнихъ служилыхъ людей оказалось недостаточно, чтобы смирить упомянутаго князя. Поэтому правительство въ 1596 г. прислало въ Сургутъ еще 112 человѣкъ [2]), а въ 1601 г. сургутскихъ служилыхъ людей—казаковъ, стрѣльцовъ, литвы и черкасъ было 280 человѣкъ. Но не всѣ они постоянно жили въ Сургутѣ: съ построеніемъ остроговъ Нарымскаго и Кетскаго сургутскіе служилые люди посылались въ эти остроги въ качествѣ „годовальщиковъ" человѣкъ по 20 въ каждый острогъ [3]).

[1]) Миллеръ думаетъ, что городъ получилъ названіе отъ рѣчки Сургутки, но это невѣрно. Цѣлая область, гдѣ построенъ русскій городъ, называлась Сургутъ, подобно тому какъ выше была область Нарымъ и самая упомянутая рѣчка стала называться Сургуткою только послѣ основанія Сургута. Воеводамъ наказъ предписывалъ идти „въ Сургутъ", построить городъ „въ Сургутѣ".

[2]) Р. И. Биб. т. II № 60.

[3]) Сиб. Прик. кн. 1, л. 111.

Въ 1601 г. въ Сургутѣ построенъ гостинный дворъ, а вмѣстѣ съ этимъ появились въ немъ и цѣловальники изъ посадскихъ людей для сбора таможенныхъ пошлинъ [1]). По старѣйшему, дошедшему до насъ, именному списку города Сургута, населенiе послѣдняго въ 1625 г. было такое, несчитая женъ и дѣтей:

2 атамана казачьихъ,
2 поляка,
1 казакъ,
25 десятниковъ,
177 рядовыхъ служилыхъ людей,
2 подьячихъ,
1 черный попъ,
1 бѣлый попъ,
3 пушкаря,
1 толмачъ остяцкiй,
1 церковный дьячекъ,
1 пономарь,
1 городовой воротникъ,
1 острожный воротникъ;
1 палачъ,
1 новокрещенный остякъ,
1 просвирница.

Всего служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ было 222 человѣка; годоваго денежнаго жалованья они получали 1175 р. 48 к., хлѣбнаго жалованья 1372 ч. муки и на крупы и толокно—381 р. [2]).

Затѣмъ, во весь обозрѣваемый нами перiодъ, т. е. до 1645 г., населенiе Сургута не только не увеличивалось, но и постепенно уменьшалось: такъ, въ 1627 г. всѣхъ служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ въ именномъ спискѣ значится 216 человѣкъ [3]) въ 1635 г.—200 чел. [4]), въ 1642 г.—199 [5]), тоже число и въ 1645 г. [6]).

Что же касается денежныхъ доходовъ города Сургута, то они были ничтожны и никогда не покрывали расходовъ. Такъ, въ 1625 г. всего

[1]) Сиб. Пр. кн. 1, л. 105.
[2]) Сиб. Пр. кн. № 458, л. 53.
[3]) Сиб. Пр. кн. № 14, л. 365.
[4]) Сиб. Пр. кн. № 78, л. 1267.
[5]) Сиб. Пр. кн. № 30, л. 394.
[6]) Сиб. Пр. кн. № 203, л. 307.

денежныхъ доходовъ было около 600 руб., а разныхъ денежныхъ расходовъ было 1304 р. 48 к. [1]).

Статьи денежныхъ доходовъ по смѣтной книгѣ 1635 г. были слѣдующія:

Лавочныхъ пошлинъ	186 р.	
Банныхъ денегъ	49 р.	6 к.
Судовыхъ (за продажу судов.).	7 р.	
Съ рыбныхъ ловель, откупу....	1 р.	8 к.
Судныхъ пошлинъ	14 р.	6 к.
Явочныхъ	3 р.	72 к.
Разныхъ пошлинъ	236 р.	72 к.
Мелкихъ доходовъ	2 р.	11 к.
Оброчныхъ	1 р.	48 к. [2])

Изъ этой смѣтной книги видно, что главную статью денежнаго дохода г. Сургута составляли пошлины съ торговыхъ и промышленныхъ людей; тоже, впрочемъ, мы наблюдаемъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ того времени. Но въ первые годы существованія Сургута этихъ пошлинъ не было: для привлеченія сюда торговыхъ и промышленныхъ людей, правительство имъ объявило, что они въ новомъ городѣ будутъ пользоваться правами безпошлинной торговли. Это распоряженіе, дѣйствительно, привлекло въ сургутскую область массу торговыхъ и промышленныхъ людей. Край оживился, по инородческимъ волостямъ появились вымичи, зыряне, пустозерцы, пермичи, устюжане, двиняне, важане, коргопольцы, москвичи и иныхъ русскихъ городовъ торговый людъ, кто для промысловъ, кто для мѣновой торговли съ мѣстнымъ населеніемъ. Правительство скоро увидѣло, что данная льгота—какъ средство привлеченія въ сургутскую область купцовъ и промышленниковъ, болѣе не нужна и уже въ 1597 году приказало сургутскимъ воеводамъ, уничтожить эту льготу и собирать всякую пошлину, какъ и въ другихъ сибирскихъ городахъ [3]). Торговые и промышленные люди не могли оставить этого распоряженія безъ протеста и въ томъ же 1597 г. подали черезъ сургутскаго воеводу Лобанова-Ростовскаго челобитную царю, въ которой просили сохранить за ними прежнюю льготу: „мы люди бѣдные, писали они въ своей челобитной, платимъ всякія подати въ Перми, нанимаемъ до Лозвы подводы подъ служилыхъ людей и подъ государевы запасы, привозимъ сургутскимъ служилымъ людамъ масло,

[1]) Сиб. Пр. кн. № 8, л. 87.
[2]) Сиб. Пр. кн. № 72, л. 1256.
[3]) Сиб. Пр. кн. № 1, лл. 46 и 47.

сало говяжье, мясо и сукна"... Но ссылка челобитчиковъ на ту пользу, которую они приносятъ сургутскимъ служилымъ людямъ, доставляя имъ изъ Руси разные необходимые товары, оказалась совсѣмъ не къ дѣлу: сами служилые люди жаловались царю, что торговые и промышленные люди, являясь въ Сургутъ для торговли и промысловъ безъ хлѣбныхъ запасовъ, выкупаютъ у нихъ хлѣбъ и заставляютъ голодать. Челобитная торговыхъ и промышленныхъ оставлена безъ послѣдствій, „то ты сдѣлалъ не гораздо, писали изъ Москвы сургутскому воеводѣ, что принялъ у нихъ челобитную"... Затѣмъ по жалобѣ сургутскихъ воеводъ, что торговые и промышленные люди выкупаютъ у инородческаго населенія сургутскаго уѣзда дорогихъ соболей и лисицъ и что послѣдніе вслѣдствіе этого платятъ ясакъ въ государеву казну плохою рухлядью, московское правительство во-первыхъ запретило торговлю по инородческимъ юртамъ, а во-вторыхъ указало, чтобы торговые люди вымѣнивали у инородцевъ только низшаго качества пушной товаръ, который въ царскую казну не годится, „а если кто изъ торговыхъ людей, послѣ этого, будетъ покупать и торговать лучшею и среднею рухлядью, то бить кнутомъ, сажать въ тюрьму недѣль на пять и на шесть, а имущество отбирать на государя" [1]). Эти мѣры въ значительной степени ослабили приливъ въ сургутскую область торговыхъ людей, такъ какъ вымѣнивать товаръ низшаго качества для нихъ не представляло особенной выгоды. Велѣно также объявить и инородцамъ, чтобы они лучшую и среднюю рухлядь приносили въ городъ, гдѣ будутъ покупать этотъ товаръ на государя, а чтобы русскимъ людямъ они продавали бы только худую рухлядь.

Изъ этого видно, что царь, какъ первый купецъ пушнымъ товарамъ, хотѣлъ быть внѣ конкуренціи съ своими подданными! Однако эти мѣры не вполнѣ достигали цѣли: a) инородцы съ бо́льшею охотою вступали въ торговые сношенія съ торговыми людьми, чѣмъ съ представителями царской торговли, и b) русскіе люди все-таки изыскивали способы обходить таможни и вывозить на Русь самую лучшую мягкую рухлядь. По крайней мѣрѣ сибирскіе воеводы постояно жалуются, что инородцы платятъ ясакъ плохою рухлядью и что въ ясакѣ бываетъ ежегодный недоборъ... Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы упомянутыя мѣры ставить въ вину московскимъ царямъ; онѣ вызывались не алчностью и наживой, а необходимостью. Царская казна не вынесла бы тѣхъ громадныхъ расходовъ, которые она затрачивала на содержаніе

---

[1]) Сиб. Пр. кн. 1, лл. 51, 57, 251 и др.

служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ въ сибирскихъ городахъ, если бы не имѣла права на монополію торговли пушнымъ товаромъ.

Возьмемъ хотя для примѣра Сургутъ: на его содержаніе — на денежное и хлѣбное жалованье и разные неокладные расходы—нужно было въ годъ minimum $2^1/_2$ т. рублей, между тѣмъ, какъ денежныхъ доходовъ въ этомъ городѣ собиралось въ царскую казну всего рублей 600. При такомъ ежегодномъ дефицитѣ царская казна обанкрутилась бы довольно скоро. Но ясакъ, собираемый съ инородцевъ Сургутскаго уѣзда, не только покрывалъ всѣ казенные расходы, но иногда давалъ излишекъ въ нѣсколько сотъ рублей.

Сургутскій уѣздъ населенъ былъ исключительно остяками, и если въ царскихъ грамотахъ предписывается сургутскимъ воеводамъ собирать ясакъ и „*съ татаръ*“, то это зависѣло а) отъ того, что грамоты къ сибирскимъ воеводамъ писались по одному шаблону, а b) въ одной подгородной волости жили остяки, принявшіе магометанство, а таковыхъ инородцевъ русскіе всегда называли татарами; на самомъ же дѣлѣ татаръ въ этомъ уѣздѣ нигдѣ не было.

Остяки подъ управленіемъ своихъ князей жили по волостямъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ всего Сургутскаго уѣзда. Въ наказахъ сургутскимъ воеводамъ говорится, что къ ихъ вѣдомству принадлежатъ всѣ остяцкіе „городки и волости, которые пошли отъ Сургута внизъ по Оби къ устьямъ Иртыша и которые пошли отъ Сургута вверхъ по Оби къ Пѣгой Ордѣ и выше“... Въ концѣ 16 вѣка такихъ волостей въ Сургутскомъ уѣздѣ было десять: Селіяровская при р. Ляминѣ, Базіоновская или Темлечеева на Оби, Салымская при р. Салымѣ, Юганская (Югорская тожъ) большая и меньшая по р. Югану, Бардакова по р. Бардаковкѣ, Лунпокольская на Оби, Ларьятская по нижнему теченію р. Ваха, Вахская по верхнему теченію р. Ваха и Васьюганская по р. Васьюгану. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы можемъ приблизительно опредѣлить и число ясачныхъ людей въ этихъ волостяхъ, именно ихъ было около 600 чел. Но скоро Сургутскій уѣздъ значительно увеличился.

Мы выше упомянули, что цѣль постройки Сургута главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы подчинить московской власти Пѣгую Орду или нарымскихъ остяковъ. Въ наказѣ строителямъ этого города предписывалось: „Вонина сына Урунка взять съ собой въ новый городъ, и къ отцу его приказать, чтобы онъ былъ въ новый городъ въ Сургутъ и ясакъ съ себя и съ своей братіи Пѣгой Орды собралъ и привезъ къ вамъ. А государь его пожаловалъ, велѣлъ отдать ему его сына и велѣлъ держать его подъ своей высокой рукой. Буде самъ Воня

въ новый городъ не будетъ, а пришлетъ ясакъ съ племянникомъ или съ лучшими людьми и имъ ясакъ взять и сына Вонина отпустить къ отцу. Если же Воня ясакъ не пришлетъ и имъ, собравъ людей, Пѣгую Орду воевать, чтобы Воню извоевать, ясакъ взять и привести подъ государеву руку"...

Къ исполненію наказа воеводы должны были приступить немедленно послѣ основанія города. Но первые воеводы не могли сломить упорство князя Вони; чтобы выручить изъ плѣна своего сына, онъ прислалъ ясакъ въ томъ же 1594 г. и тѣмъ дѣло кончилось. Въ слѣдующемъ году первыхъ воеводъ смѣнили—на ихъ мѣсто назначены воеводой Осипъ Ѳ. Плещеевъ и головой Иванъ И. Калеминъ [1]).

Но когда эти послѣдніе послали за ясакомъ къ князю Вони, то онъ ясачниковъ въ Пѣгую Орду не пустилъ и ясаку не далъ [2]).

Этого мало: Воня самъ рѣшился перейти въ наступленіе, началъ собирать войско, чтобы уничтожить городъ Сургутъ.

Новому русскому городу на Оби грозила серьезная опасность: Воня, какъ видно, былъ человѣкомъ энергичнымъ и, по словамъ сургутскаго воеводы, могъ выставить въ поле до 400 человѣкъ войска. Кромѣ того, изъ Сургута писали въ Москву: „сказывалъ князь Бардакъ, что царь Кучумъ подкочевалъ къ Пѣгой Ордѣ, ссылается съ княземъ Воней, и что они постановили межъ собой договоръ, чтобъ весною со всѣми своими людьми идти противъ Сургута"... Сообщая эти грозныя вѣсти, сургутскій воевода еще писалъ, что мирными средствами нельзя достигнуть, чтобы Воня платилъ ясакъ, а необходимо предпринять противъ него военный походъ и поставить въ его землѣ на время острогъ, пока воинскіе люди приведутъ къ покорности Пѣгую Орду и возьмутъ изъ лучшихъ людей заложниковъ (аманатовъ) изъ всѣхъ волостей. Получивъ эти извѣстія, московское правительство отнеслось къ нимъ очень серьезно; это видно изъ того, что оно немедленно рѣшилось снарядить обширную экспедицію противъ князя Пѣгой Орды. Велѣно тобольскому воеводѣ, выбравъ 50 лучшихъ служилыхъ людей, до 100 человѣкъ татаръ послать съ атаманами и боярскими дѣтьми въ Сургутъ, велѣно березовскому воеводѣ послать туда же 50 человѣкъ съ пятью полковыми пищалями, да еще извѣстный князь Игичей Алачеевъ долженъ былъ выбрать изъ своихъ людей 100 человѣкъ и самъ съ своей братіей идти въ походъ противъ князя Вони. Всѣ эти войска, 300 че-

---

[1]) Сиб. Пр. кн. № 1, лл. 1—6.
[2]) Ibid. л. 8.

ловѣкъ, должны были собраться въ Сургутѣ весною 1597 г. и поступить подъ начальство сургутскаго головы Ивана Калемина; къ нимъ велѣно еще прибавить сургутскихъ служилыхъ людей 100 человѣкъ и 150 остяковъ изъ тѣхъ волостей, отъ которыхъ нельзя ожидать измѣны. Такимъ образомъ въ походѣ противъ Вони должны были принять участіе всего 550 человѣкъ; такой многочисленной экспедиціи московское правительство не посылало даже противъ самого Кучума. Наказъ предписывалъ Калемину, посадивъ войска на суда, плыть вверхъ Оби въ Пѣгую Орду бережно такъ, чтобы князь Воня не провѣдалъ о походѣ, а пришедъ туда сначала поставить острогъ, а потомъ дѣйствовать противъ Пѣгой Орды „сколько Богъ помощи подастъ, и смотря по тамошнему дѣлу и по вѣстямъ“, чтобы непремѣнно привести ее подъ царскую руку [1]). Неизвѣстно почему, но походъ противъ Вони въ 1597 г. не состоялся. Очень можетъ быть, что его остановилъ бывшій въ это время бунтъ всей югорской земли; такъ какъ надъ усмиреніемъ послѣдней трудился березовскій воевода съ своими служилыми людьми и съ людьми князя Игичея, то онъ не могъ исполнить повелѣніе Ѳедора Ивановича—послать въ Сургутъ помощь, а безъ вей вѣроятно не рѣшались начать войну съ Воней и походъ противъ него былъ отложенъ. Несомнѣнно только, что походъ въ Пѣгую Орду былъ совершенъ въ 1598 г. и съ тѣми же силами хотя и подъ начальствомъ другихъ лицъ. На успѣхъ и послѣдствія этого похода мы имѣемъ только косвенныя указанія. Именно, въ 1598 г. у сургутскихъ служилыхъ людей появилась масса плѣнныхъ и о нихъ-то сохранилась до насъ грамота царя къ сургутскому воеводѣ С. М. Лобанову-Ростовскому. Въ ней предписывалось, чтобъ воевода отобралъ у служилыхъ людей всѣхъ плѣнниковъ и которые не крещены отослалъ на родину, а съ тѣми, которыхъ служилые люди успѣли окрестить, поступитъ такъ: мужчинъ поверстать въ службу, женокъ и дѣвокъ выдавать замужъ за служилыхъ людей, которые захотятъ жениться; малыхъ ребятъ крещеныхъ поверстатъ въ службу, когда подростутъ, а малыхъ дѣвокъ, когда подростутъ, выдать замужъ за крещеныхъ людей, но чтобъ никто не смѣлъ плѣнныхъ вывозить на Русь подъ страхомъ смертной казни [2]). Очевидно, что эти плѣнные были результатомъ похода въ Пѣгую Орду. Еще въ 1597 году царь Ѳедоръ Ивановичъ, посылая въ Сургутъ воеводу Лобанова-Ростовскаго и голову Ржевскаго, наказывалъ имъ непре-

---

[1]) Спб. Пр. кн. № 1 л. 8 и др.
[2]) Спб. Пр. кн. 1 л. 53.

мѣнно предпринять походъ съ тобольскими и березовскими служилыми людьми въ Пѣгую Орду, на князя Воню, но этотъ наказъ могъ быть исполненъ только въ 1598 г. Съ этого времени Пѣгая Орда подчинилась московской власти и въ ея землѣ, построенъ въ томъ же 1598 г. русскiи острогъ Нарымъ. О князѣ Вони болѣе не упоминается въ документахъ, стало быть ему нанесенъ рѣшительный ударъ въ томъ же самомъ году, какъ и его знаменитому союзнику царю Кучуму. Послѣднiй не могъ исполнить своего обѣщанiя помочь Вони противъ Сургута и вѣроятно потому, что ему самому въ это время не давали покоя энергичныя предпрiятiя тарскихъ воеводъ [1]).

Со временемъ покоренiя Пѣгой Орды, къ Сургутскому уѣзду присоединены новыя волости: Аслымская, Сымская, Корахонская по Оби и Тымская по р. Тыму. Затѣмъ и Муалымскаго городка остяки Ермачко съ товарищами били челомъ государю, что прежде они платили ясакъ въ Березовъ, а теперь желаютъ платить въ болѣе близкiй городъ Сургутъ. И царь пожаловалъ [2]); эти остяки, жившiе на Оби при устьѣ Иртыша, въ такъ называемомъ Бѣлогорьѣ, составили новую волость въ Сургутскомъ уѣздѣ Бѣлогорскую. Въ 1602 г. воевода Борятинскiй хотѣлъ было присоединить еще къ Сургутскому уѣзду Кунную самоядь, жившую по рѣкѣ Пуру и съ этою цѣлью отправилъ служилыхъ людей подъ начальствомъ атамана Богдана Чубакина (изъ черкасовъ) къ самоѣдскимъ князьямъ — Акубѣ, Скамгѣ, Салымѣ съ жалованнымъ царскимъ словомъ и съ предложенiемъ платить ясакъ въ Сургутъ, но самоѣды отказали, потому что уже платили ясакъ въ Тазовскiй городъ (въ Мангазею) [3]). Относительно числа ясачныхъ людей во всѣхъ волостяхъ Сургутскаго уѣзда мы можемъ сообщить данныя только съ 1625 года. Волости: 1) Бѣлогорская, въ ней лучшiй человѣкъ Ертикъ Шайтанщикъ и ясачныхъ людей 11. 2) Силiярская, а въ ней лучшiй человѣкъ Никома Атыревъ и ясачныхъ людей 37. 3) Темличеева, а въ ней князецъ Бозьянъ и ясачныхъ людей 60. 4) Саламская, а въ ней князецъ Автомахъ Ясакинъ и ясачныхъ людей 79. 5) Юганскiя, а въ нихъ князецъ Ангачъ Миликомъ и ясачныхъ людей 128. 6) Бордакова, ясачныхъ людей 87. 7) Лунпокольскiе, а въ нихъ князцы Рубашка и Салтыкъ, ясачныхъ людей 176. 8) Ларьяцкая, а въ ней князецъ Коптей и ясачныхъ людей 33. 9) Ва-

---

[1]) См. наше изслѣд. „Заселенiе Сибири...“ стр. 145—147.

[2]) А. М. И. Ю. Портф. Миллера № 477, 11, 5.

[3]) Сиб. Пр. кн. № 1 л. 119.

ховская [1]), ясачныхъ людей 6. 10) Васьюганская, а въ ней князецъ Юрлымко и ясачныхъ людей 81. 11) Аслымская, ясачныхъ людей 4. 12) Караханская, ясачныхъ людей 20. 13) Сымская, ясачныхъ людей 15. 14) Тымская, а въ ней князецъ Маръ и ясачныхъ людей 59.

Всего ясачныхъ людей старыхъ и новиковъ—въ Сургутскомъ уѣздѣ въ 1625 г. было 796 человѣкъ, а съ нихъ ясаку и поминковъ государскихъ и воеводскихъ собрано всякимъ звѣремъ до 160 сороковъ соболей по сибирской оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ на 3 тысячи рубл. [2]).

Въ 1632 году ясачныхъ людей было 699 чел. [3]).
„ 1645 „ „ „ „ 786 „ [4]).

Да въ томъ же году отнята Ваховская волость у Димитрія Алачеева (внука Игичея), въ которой ясачныхъ людей было 95, такъ что всѣхъ ясачныхъ людей (исключая женщинъ, дѣтей, холоповъ старыхъ и увѣчныхъ) въ Сургутскомъ уѣздѣ въ 1645 г. было 981 человѣкъ [5]).

Сургутскимъ воеводамъ никогда не удавалось взять полный ясакъ съ инородцевъ Сургутскаго уѣзда; ежегодно былъ недоборъ и иногда очень значительный, простиравшіися до нѣсколькихъ десятковъ сороковъ соболей. А между тѣмъ ясачный окладъ былъ не великъ: сначала они платили по 11 соболей съ человѣка, но съ 1610 г. вслѣдствіе жалобъ инородцевъ на тяжесть такого оклада, царь велѣлъ брать съ нихъ только по 9 соболей [6]). Не смотря на это облегченіе, инородцы и послѣ того никогда не выплачивали полнаго оклада и всегда находили какія нибудь объясненія этому: одни (1625 г.) жаловались, что были больны осенью и на промыселъ не ходили, другіе — что собаки „промышленные“ повымерли, третьи—что „лѣшня не удалась“, мало звѣря было въ промышленныхъ мѣстахъ и т. п. [7]). Но кажется самою настоящею причиною недобора ясака была лѣность инородцевъ и нежеланіе ихъ выплачивать полный окладъ, зная снисходительность русскаго правительства, напр.: почти всѣ волости жаловались на недостатокъ звѣря въ 1625 г., а между тѣмъ русскіе промышленные люди

---

[1]) Въ Ваховской волости всего ясачныхъ людей было болѣе 100 человѣкъ, но въ ней ясакъ въ государственную казну платило только 6 человѣкъ, а остальные были пожалованы въ вотчинное владѣніе Игичею.

[2]) Сиб. Пр. кн. № 1 лл. 262—291, ясачная кн. 1625; Сиб. Пр. См. № 4 л. 82, а также см. отписки воеводы о томъ же лл. 255—257.

[3]) Сиб. Пр. кн. № 34 л. 130.

[4]) Сиб. Пр. кн. № 177 л. 178.

[5]) Сиб. Пр. кн. № 221.

[6]) Сиб. Пр. кн. 1 л. 159.

[7]) Сиб. Пр. кн. лл. 262 и др.

въ томъ же году и въ тѣхъ же мѣстахъ добыли почти по 120 соболей на человѣка. Если возможна подобная добыча, то окладъ въ 9 соболей можно считать сравнительно малымъ, потому, что инородцы были болѣе искусны въ ловлѣ звѣрей, чѣмъ русскіе промышленники. Притомъ ясакъ не обязательно было уплачивать соболями, а всякими пушными звѣрями, лишь бы цѣнность его равнялась девяти соболямъ; брали въ ясакъ—бобровъ, горностаевъ, лисицъ, разсомахъ, бѣлокъ и пр. Воеводы даютъ болѣе правдивое объясненіе, почему инородцы никогда не выплачиваютъ полнаго ясачнаго оклада. „Посылали мы, государь, пишутъ они, служилыхъ людей по остяцкимъ волостямъ высылать остяковъ на звѣровые промыслы для твоего государева ясака и поминковъ, но ходили немногіе люди,... да и тѣ, которые ходили, полнаго оклада не заплатили, потому, что лучшихъ звѣрей тайно продали торговымъ и всякимъ людямъ..., а наказанье имъ чинить не смѣемъ, потому что, государь, въ указѣ написано: къ ясачнымъ людямъ держать ласку и привѣтъ и береженье и твой государевъ ясакъ собирать ласково, а не жесточью и не правежомъ..." [1]). Впрочемъ не всѣ воеводы относились къ инородцамъ такъ снисходительно; недоборъ ясака съ послѣднихъ былъ укоромъ для службы воеводъ и часто вызывалъ замѣчанія со стороны правительства. Поэтому нѣкоторые воеводы, чтобы показать свою службу, мало обращали вниманія на государевъ наказъ „собирать ясакъ ласкою", а сажали инородцевъ въ тюрьму и держали ихъ по нѣскольку недѣль на правежѣ въ случаѣ неуплаты ясака. Къ такимъ ретивымъ сборщикамъ принадлежалъ Я. П. Борятинскій, бывшій воеводой въ Сургутѣ въ 1601 и въ 1602 гг. Онъ не церемонился съ остяками, а кнутомъ и тюрьмою заставлялъ ихъ выплачивать ясакъ. Инородцы верхнихъ волостей не вытерпѣли этихъ мѣръ (въ томъ числѣ и Пѣгая Орда): въ 1602 г. подняли бунтъ и измѣнили государю [2]). Когда преемнику Борятинскаго сургутск. воев. Ѳ. Головину въ 1603 г. велѣно было произвести слѣдствіе о причинахъ бунта, то князья и лучшіе люди всѣхъ волостей единодушно показали Головину, что верхнія волости измѣнили потому, что Яковъ Борятинскій собиралъ съ нихъ ясакъ „не ласкою", а „жесточью". Получивъ объ этомъ дѣлѣ отписку

[1]) Сиб. Пр. кн. № 134 л. 420.

[2]) Миллеръ (Опис. Сиб. Ц. стр. 250) несправедливо относитъ этотъ бунтъ къ 1598 г.; документъ, на который онъ ссылается, невѣрно указываетъ дату: слѣдуетъ читать не 106 (1598), а 110 (1602), потому что Яковъ Борятинскій былъ воеводой въ 1602 г., а въ 1598 г. Лобановъ-Ростовскій, а бунтъ несомнѣнно произошелъ при Борятинскомъ.

Головина, царь приказалъ ему: собрать въ Сургутъ князьковъ и лучшихъ людей всѣхъ волостей и объявить, что то дѣлалъ Борятинскіи „воровствомъ“ и что впредь будутъ брать съ нихъ ясака столько, сколько можно имъ уплатить. Вообще московское правительство въ видахъ финансовыхъ, строго требуя отъ сибирскихъ воеводъ полнаго сбора ясака, и дѣлая имъ выговоры за недоборъ, въ тоже время изъ политическихъ видовъ относилось снисходительно къ самимъ плательщикамъ инородцамъ и даже дѣлало имъ поблажки. Не рѣдкость, что инородцы, не добывъ на промыслахъ мягкой рухляди, или просто распродавъ добычу торговымъ людямъ, чтобы уплатить ясакъ, занимали соболей у служилыхъ людей и въ закладъ отдавали женъ и дѣтей, но сейчасъ же били челомъ государю о своей бѣдности. И государь приказывалъ воеводамъ „полегчить въ ясакѣ“, а на выкупъ женъ и дѣтей выдать деньги изъ казны. А какъ въ то время дешевы были люди, можно судить потому, что напримѣръ одному князю Киршѣ, чтобы занять 12 соболей, нужно было отдать въ закладъ жену и двухъ сыновей [1]). Болѣе основательны жалобы сургутскихъ инородцевъ на ямскую службу: они обязаны были давать подводы служилымъ людямъ, и подъ хлѣбные запасы отъ устьевъ Иртыша и до Нарыма. Въ 1625 г. сургутскіе остяки подали челобитную, наполненную самыми горькими жалобами на ямскую гоньбу: „Даемъ мы, жаловались они, подводы подъ воеводъ и всякихъ служилыхъ людей, а подводы, государь, берутъ съ насъ предъ прежними годами, многіе: лѣтомъ на судахъ ходимъ, а зимою съ женами тянемъ на себѣ нарты, и отъ подводъ терпимъ нужду великую; недѣли по двѣ и по три держатъ насъ на судахъ и многія нарты возятъ не перемѣняясь, потому что мы живемъ въ разныхъ мѣстахъ, а притѣсненія намъ дѣлаютъ великія всякія проѣзжія люди: снимаютъ съ насъ платьишко, бьютъ насъ и не даютъ корму...“. Тягость ямской службы, по словамъ челобитчиковъ, увеличивается еще отъ того, что эту повинность иногда приходится исполнять въ то время, когда удобнѣе всего можно запастись на зиму рыбою. .... „А лѣто, государь, пишутъ они, живетъ у насъ не много времени и кромѣ рыбныхъ запасовъ у насъ, сиротъ твоихъ, иныхъ никакихъ нѣтъ: мѣсто у насъ бѣдное, хлѣба не пашемъ и скота нѣтъ никакого“. И если не запастись рыбою, жалуются инородцы, то хоть помирай голодною смертью съ женами и дѣтьми. Затѣмъ въ челобитной приводятся случаи, что нѣкоторые бѣдные люди, не успѣвшіе изъ-за ямской гоньбы сдѣлать запасы рыбы на зиму, при-

---

[1]) Сиб. Пр. кн. № 1 л. 157.

нуждены были есть собачину и человѣчину, что одна женщина отъ голоду съѣла двухъ дѣтей своихъ и пр. Тяжесть ямской службы казалась инородцамъ столь великою, что они соглашались платить ясакъ вдвое и втрое болѣе противъ положеннаго оклада, если только государь освободитъ ихъ отъ этой повинности. Дѣйствительно лѣнивымъ людямъ, не привыкшимъ къ тяжелому физическому труду, ямская служба не могла быть легкою—возить на себѣ нарты или тащить бичевою суда вверхъ по Оби, хотя и при помощи собакъ — дѣло тяжелое. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, получивши эту челобитную, сдѣлалъ предписаніе сургутскимъ воеводамъ: собрать въ Сургутъ человѣка по 2 и по 3 изъ всѣхъ волостей и объявить имъ, что если остяки согласятся платить мягкою рухлядью за подводы, то государь освободитъ отъ ямской гоньбы и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно воеводѣ спросить, сколько инородцы намѣрены приплачивать за упомянутую льготу. Но оказалось на дѣлѣ, что челобитчики желали только льготы, и вовсе не были намѣрены что либо приплачивать. И если они писали, что за освобожденіе отъ ямской повинности будутъ выплачивать ясакъ вдвое и втрое, то это только фразы, написанныя съ цѣлью усилить тяжесть ямской гоньбы и разжалобить царя: Нѣсколько ранѣе этого времени, сургутскій воевода сдѣлалъ такой опытъ: по соглашенію съ инородцами Юганской волости онъ поручилъ за нихъ ямскую гоньбу отъ устья Иртыша до Сургута и обратно сургутскому служилому человѣку съ тѣмъ, чтобы юганцы заплатили соболями за эту льготу. За четыре мѣсяца такой службы (съ сентября по январь) служилый человѣкъ получилъ изъ казны 5 р. 25 коп.—каковую сумму и должны были уплатить остяки Юганской волости. По разсчету на каждаго человѣка приходилось только по четыре копейки, но тѣмъ не менѣе юганскіе ясачные люди и этой ясачной суммы не уплатили сполна [1]). Вообще къ челобитнымъ инородцевъ, какъ къ историческому матеріалу, нужно относиться критически, не особенно довѣрять ихъ жалобамъ, а въ противномъ случаѣ можно сдѣлать совершенно ложные выводы относительно положенія инородцевъ подъ игомъ русской власти и отношенія къ нимъ русскихъ людей. Сургутскіе остяки напримѣръ жалуются, что служилые люди отнимаютъ у нихъ носильное платье, но въ тоже время, они въ своихъ челобитныхъ пишутъ, что большая часть изъ нихъ люди настолько бѣдные, что ходятъ только въ однихъ рыбныхъ кожаникахъ“, поэтому трудно предположить, чтобы служилый человѣкъ могъ польститься на подобное платье. Въ 1626 г. тѣ же ино-

---

[1]) Сиб. Пр. Ст. № 11 лл. 139—148; ст. № 8 лл. 23—34; кн. № 1 л. 159.

родцы жаловались Михаилу Θедоровичу, что воевода Безобразовъ въ 1625 г. вписалъ въ ясачные списки молодыхъ, старыхъ и увѣчныхъ людей 256 человѣкъ и заставилъ ихъ платить ясакъ наравнѣ съ прежними, но изъ ясачной книги того года мы видимъ, что прибрано новиковъ не 256, а только 46 и при томъ въ списки записывались только тѣ остяки, на которыхъ они сами указывали и не моложе 15 лѣтъ и не старше 50. Не слѣдуетъ также смотрѣть на сибирскихъ инородцевъ—остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ, какъ на робкихъ, невинныхъ дѣтей природы, которымъ русскіе дѣлаютъ только обиды, а сами они беззащитны. Правда, воеводы и служилые люди относились къ нимъ не всегда человѣчно, дѣлали прижимки при сборѣ ясака, а иногда позволяли себѣ даже грабежъ; такое отношеніе, дѣйствительно, тяжело отзывалось на благосостояніи инородцевъ и жалобы послѣднихъ на своихъ притѣснителей большею частію справедливы. Но инородцы въ тоже время жалуются и на торговыхъ и промышленныхъ людей, что они не только „звѣруютъ въ ихъ лѣсахъ", но и грабятъ. Это послѣднее не вѣрно. Слѣдственныя дѣла и показанія воеводъ не оправдываютъ подобныхъ жалобъ. Нужно замѣтить, что русскіе люди въ большинствѣ случаевъ ходили на промыслы человѣка по 2 и по 3 и стало быть ни въ какомъ случаѣ не могли быть нападающею стороною. Напротивъ, инородцы часто нападали на нихъ, отнимали добытую мягкую рухлядь и самихъ убивали. Это подтверждаютъ и жалобы промышленныхъ людей и донесенія воеводъ и слѣдственныя дѣла. Въ 1617 году остяки Бардаковой волости дошли даже до такой дерзости, что подъ начальствомъ двухъ сыновей Бардака напали на русскаго воеводу Бабарыкина, плывшаго по р. Оби въ г. Томскъ, и нанесли ему жестокій погромъ. Первыя вѣсти объ этомъ дѣлѣ были въ высшей степени тревожныя: говорили, что сургутскіе остяки и нарымскій князь Дона со всѣми своими людьми подняли бунтъ, убили Бабарыкина и 60 человѣкъ русскихъ и уже идутъ для разгрома Сургута [1]). Но на дѣлѣ оказалось, что это не бунтъ, а простой разбойническій набѣгъ бардаковыхъ дѣтей со своими людьми: они дѣйствительно убили нѣсколько русскихъ людей, сопровождавшихъ Бабарыкина, отняли царскую казну въ 400 р., а самъ воевода спасся и благополучно добрался до Томска [2]).

Въ заключеніе отмѣтимъ, что христіанство имѣло очень слабый успѣхъ среди инородцевъ Сургутскаго уѣзда: во весь обозрѣваемый нами періодъ мы встрѣтили только одного остяка подгородной Юганской во-

---

[1]) А. М. И. Д. Порф. Миллера 478, 11 № 67.

[2]) Сиб. Пр. кн. 1 л. 247.

лости, принявшаго крещеніе и жившаго въ Сургутѣ. Обыкновенно новокрещенцы записывались въ царскую службу, но въ спискахъ сургутскихъ служилыхъ людей мы не встрѣчаемъ никого изъ сургутскихъ инородцевъ.

Нарымъ и Нарымскій уѣздъ (1598—1645 гг.).

Несомнѣнно, что первый Нарымскій острогъ построенъ въ 1598 г., въ годъ покоренія князя Пѣгой Орды Вони. Но о мѣстѣ этого острога мы не имѣемъ точныхъ данныхъ. Мы знаемъ, что Нарымскій острогъ переносился нѣсколько разъ съ одного мѣста на другое, прежде чѣмъ онъ занялъ нынѣшнее положеніе при впаденіи р. Кети въ Обь. Но гдѣ его первоначальное мѣстоположеніе? Миллеръ утверждаетъ, что прежнее мѣсто отстоитъ отъ нынѣшняго внизу при Оби въ 16 верстахъ, и называется старое Городище [1]), т. е. тамъ, гдѣ нынѣ находится деревня Городищенская [2]). Но это не вѣрно. Въ древнѣйшихъ документахъ, относящихся до Нарыма, мы находимъ иныя указанія на первоначальное мѣстоположеніе этого города. Нужно замѣтить, что царскій наказъ предписывалъ сургутскимъ воеводамъ построить острогъ въ землѣ Пѣгой Орды только на одну осень, „пока они приведутъ волости подъ царскую руку, возьмутъ ясакъ и закладчиковъ изъ лучшихъ людей, а острогу въ Пѣгой Ордѣ и нашимъ людямъ впредь не быть, потому что мѣсто дальнее, вода верховая—запасы проводить туда тяжело, а милымъ людямъ въ острогѣ, въ Пѣгой Ордѣ быть нельзя, потому что у князя Вони съ братіей и дѣтьми собирается до 400 человѣкъ“ [3]). Затѣмъ въ наказѣ предписывалось, что какъ только сургутскіе воеводы исполнятъ свою задачу относительно нарымскаго князя Вони, то должны немедленно острогъ разорить. Но острогъ не былъ разоренъ и для этого, вѣроятно, нашлись уважительныя причины. Для сбора ясака съ нарымскихъ остяковъ и для того, чтобы ясачныхъ людей держать въ повиновеніи, сургутскіе воеводы стали посылать въ нарымскій острогъ „годовальщиковъ“ по 20 человѣкъ изъ сургутскихъ служилыхъ людей. А такъ какъ этотъ острогъ первоначально строился на время, то при основаніи его церкви не было поставлено, какъ это обыкновенно дѣла-

---

[1]) Опис. Сиб. Ц. стр. 259.

[2]) Эта деревня отстоитъ отъ нынѣшняго Нарыма въ 5 верстахъ и названіе ея произошло отъ городища какого-нибудь инородческаго князя, можетъ быть кн. Вони.

[3]) Сиб. Пр. кн. № 1.

лось при постройкѣ всѣхъ сибирскихъ городовъ. И только въ 1610 г. царь велѣлъ въ Нарымскомъ острогѣ поставить „Божіе милосердіе—храмъ во имя Покрова Пр. Бог. и придѣлъ Василія Кессар.“ [1]). По поводу постройки храма и поднятъ былъ вопросъ о перенесеніи Нарымскаго острога. На царское повелѣніе изъ Сибири отвѣтили, что „въ острогѣ порожняго мѣста нѣтъ и съ сажень, и впредь тутъ острогу быть не прочно, мѣсто не похожее, отмываетъ острогъ водою сажени на четыре и по пяти, а отъ берега подвинуться некуда, пришелъ мохъ и болото, а можно поставить острогъ на лѣвой сторонѣ Оби и тогурскаго или верхняго устья рѣки Кети“. Но по дозору нѣкоторыхъ людей оказалось, что и указанное мѣсто имѣетъ тѣже недостатки. И вотъ начались поиски „крѣпкаго и погожаго мѣста“, которые продолжались до тѣхъ поръ, пока Нарымскій острогъ не сгорѣлъ до тла въ 1619 году [2]). По поводу этихъ поисковъ до насъ дошла переписка сибирскихъ начальныхъ людей и въ ней мы можемъ найти нѣкоторыя указанія на первоначальное мѣсто Нарымскаго острога. Такъ кетскій голова Еліазаровъ, въ своей отпискѣ сургутскому воеводѣ, высказывая свои соображенія относительно непригодности мѣста при кетскомъ—тогурскомъ устьѣ, пишетъ: „отъ нарымскаго, господинъ, острога до тогурскаго устья вверхъ грести облосомъ три дня“.... „нарымскій острогъ стоитъ на Оби межъ нарымскихъ ясачныхъ людей“ [3]). Отсюда ясно, что Старый Нарымъ находился при Оби, ниже тогурскаго устья на три дня пути. А чтобы это указаніе на первоначальное мѣстоположеніе Нарыма было для насъ болѣе опредѣленнымъ, обратимъ вниманіе на слѣдующія данныя. Въ тогдашнее время рѣка Кеть сливалась съ Обью тремя устьями — нижнимъ, среднимъ и верхнимъ или тогурскимъ. Далѣе, въ атласѣ Ремезова на л. 10 читаемъ: „отъ нижняго до средняго устья Кети ходу вверхъ Обью 4 дня, а отъ средняго до верхняго тогурскаго устья Кети жъ ходу вверхъ Обью 2 дня“. Сталобыть, чтобы проплыть противъ теченія Обь отъ нижняго до верхняго или тогурскаго устья въ XVII в. нужно было шесть дней. Теперь, если сопоставить этотъ выводъ съ указаніемъ Еліазарова, что отъ ста-

---

[1]) Сиб. Пр. кн. 2 № 70.

[2]) Миллеръ на основаніи одной отписки тобольск. в. Буйносъ-Ростовскаго къ Нарымскому головѣ Мирону Тимоф. заключаетъ, что Нарымскій острогъ перенесенъ былъ или въ 1613 г. или въ слѣдующемъ. Но это заключеніе не вѣрно: другіе документы показываютъ, что Нарымскій острогъ въ эти годы еще находился на старомъ мѣстѣ и въ первый разъ перенесенъ только послѣ пожара въ 1619 г.

[3]) Опис. Сиб. Ц. Миллера стр. 255.

раго Нарыма вверхъ Обью до тогурскаго устья можно доплыть только въ три дня, то для насъ станетъ очевиднымъ, что первоначальное мѣстоположенiе Нарыма находилось на половинѣ указаннаго пути, т. е. между нижнимъ и среднимъ устьями Кети. Это мѣсто представляло островъ, на которомъ жили нарымскiе остяки трехъ волостей—Подгородней, Парабельской и Ларпидской—что согласно и со вторымъ указанiемъ Елiазарова: „Нарымскiй острогъ стоитъ на Оби межъ ясачныхъ нарымскихъ людей". Затѣмъ, какъ мы упоминали, Нарымъ сгорѣлъ въ 1619 году и послѣ пожара воеводой Хомяковымъ-Языковымъ перенесенъ на новое мѣсто. Но и это мѣсто скоро оказалось непригоднымъ и снова былъ поднятъ вопросъ о перенесенiи Нарымскаго острога и при томъ самыми нарымскими жильцами. Въ ноябрѣ 1630 г. послѣднiе послали въ Москву такую челобитную: „Въ прошломъ 1619 году Нарымскiй острогъ сгорѣлъ и дворы ихъ и животы всѣ погорѣли; воевода Иванъ Хомяковъ-Языковъ поставилъ острогъ не на угожемъ мѣстѣ въ водомоймищѣ.... отъ Оби сажень съ 70 и тотъ берегъ нынѣ смыло до самого острога. И уже острожное мѣсто весеннею водою снимаетъ и вода быстриною въ острогѣ и подлѣ изрыла великiя рытвины и острогъ ломало и башни сносило. Служилые и всякiе люди ежегодно поправляютъ острогъ и ставятъ башни, а людей немного да и тѣ бываютъ по службамъ и по посылкамъ, а дома ихъ разоряются до основанiя: хоромы водою ломаетъ и сноситъ, животина тонетъ и съ голоду помираетъ, приходится держать ее на повѣтяхъ и на избахъ до Петрова дня и далѣе, а которую отвозятъ на сухое мѣсто — ту звѣрь съѣдаетъ....". Затѣмъ тѣже челобитчики жаловались, что весною этого года пришла вода великая, больше прежнихъ водъ, острогъ разломала и разносила, животину безъ остатка потопила и имъ служилымъ и всякимъ людямъ приходилось исполнять службы на лодкахъ. А въ довершенiе несчастiя въ Нарымѣ появилась болѣзнь оспа, отъ которой жены и дѣти мрутъ, а хоронить въ острогѣ нельзя, отвозятъ мертвыхъ въ пустыя мѣста, гдѣ звѣри выкапываютъ ихъ изъ могилъ и поѣдаютъ. Положенiе нарымскихъ жителей, дѣйствительно, было ужасное! Только съ русскимъ терпѣнiемъ и выносливостью можно было жить среди такого непривѣтливаго края.

Въ заключенiе жалобы челобитчики просили государя смиловаться надъ ихъ участью, не дать имъ совсѣмъ погибнуть—велѣть перенести острогъ на другое мѣсто. Вслѣдствiе этой челобитной въ томъ же году послѣдовалъ указъ отыскать „крѣпкое и угожее мѣсто" и перенести туда Нарымъ [1]). Но гдѣ въ это время находился тотъ Нарымскiй

---

[1]) Сиб. Пр. Столб. № 30 лл. 406—411.

острогъ, который построенъ воеводой Хомяковымъ-Языковымъ? На это мы имѣемъ единственное указаніе въ „Росписи съ чертежа, гдѣ быть нарымскому острогу“—чертежа, составленнаго послѣ 1630 г.

Описывая то мѣсто, гдѣ долженъ быть построенъ новый острогъ, авторъ замѣчаетъ:

„Нижнее кетское устье впало въ рѣку Обь повыше Нарымскаго острога версты на двѣ, гдѣ стоитъ нынѣ Нарымскій, а отъ того новаго острога будетъ то кетское нижнее устье верстъ съ 30....“, „нынѣшній Нарымскій острогъ стоитъ ниже кетскаго устья версты на двѣ на протокѣ отъ рѣки 660 сажень, а тою протокою ходятъ изъ Оби большія суда подъ острогъ въ сухую воду до госпожина дня, а если мѣсто не сухое, то и до заморозковъ“ [1]). Значитъ Хомяково-Языковъ въ 1619 г. перенесъ Нарымскій острогъ съ прежняго первоначальнаго мѣста довольно далеко, внизъ по Оби, за нижнее кетское устье и поставилъ его на протокѣ, который соединялъ Обь съ однимъ озеромъ, восточный конецъ котораго въ 17 в. едва не соединялся съ рѣкою Кеть. Мѣсто это оказалось неудобнымъ и по челобитью нарымскихъ жильцовъ въ 1630 г. велѣно найти новое и перенести туда острогъ. По вышеупомянутой росписи съ чертежа предполагалось строить опять на островѣ, образуемомъ Обью и нижнимъ и среднимъ устьями Кети и на 30 верстъ выше по Оби отъ Нарыма, построеннаго Хомяковымъ. Но кажется это предположеніе не было исполнено; авторъ чертежа замѣчаетъ, что если Нарымъ перенести на то мѣсто, которое онъ указываетъ, то нужно будетъ построить два караула — одинъ на нижнемъ устьѣ Кети, а другой на р. Оби, потому что изъ новаго острога нельзя будетъ слѣдить за торговыми и промышленными людьми, будутъ ли они плыть по рѣкѣ Кети чрезъ ея нижнее русло или вверхъ и внизъ по Оби, такъ какъ изъ предполагаемаго острога на Обь и Кеть не видно. Строить два караула и держать въ нихъ людей — это должно было вызвать такіе матеріальные расходы, на которые правительство не могло согласиться. Вотъ почему мы думаемъ, что новое мѣсто для Нарыма, описанное въ упомянутомъ чертежѣ не было одобрено, и Нарымскій острогъ хотя и перенесенъ въ 1632 году въ третій разъ, но только съ протока за озеро къ нижнему устью Кети, т. е. на то мѣсто, на которомъ Нарымъ находится и нынѣ.

Мы выше упоминали, что въ Нарымѣ первоначально не было постояннаго населенія, а жило только 20 человѣкъ „годовальщиковъ“ изъ служилыхъ людей, присылаемыхъ изъ Сургута. Эти люди ежегодно мѣнялись. Но съ построеніемъ церкви (между 1612—1618 г.) Нарымъ сдѣ-

[1]) Сиб. Пр. ст. 136 л. 86.

лался городомъ и въ немъ явилось осѣдлое населеніе: ружники, оброчники и служилые люди, съ этого же времени стали посылать туда и воеводъ. Въ 1625 г. все населеніе Нарыма состояло изъ 42 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей. Они получали въ годъ денежнаго жалованья 242 р. 26 к., хлѣбнаго жалованья 262 ч. муки, 77 ч. крупъ и толокна и 63 п. соли [1]). Между населеніемъ нарымскимъ въ это время встрѣчаются три новокрещенныхъ остяка и язычникъ князь Тайбохта, сынъ Вони.

Въ послѣдующіе годы число жителей въ Нарымѣ остается то же самое, но съ перенесеніемъ города въ 1632 г. на новое мѣсто населеніе его увеличивается служилыми людьми; въ 1633 году въ Нарымѣ было жителей 46 человѣкъ, а въ 1643 г. 55 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей [2]). Въ январѣ 1646 г. Алексѣю Михайловичу цѣловали крестъ слѣдующія лица: голова, племянникъ головы, сынъ боярскаго сына, подьячій, новокрещенцевъ 4 человѣка, нѣмецъ, служилыхъ людей 33 человѣка, два пушкаря, присланные изъ Сургута на годовую службу 8 человѣкъ казаковъ и стрѣльцовъ, церковный дьячекъ, пономарь, банщикъ, два сторожа, два воротника, два отставныхъ казака, 19 дѣтей служилыхъ людей, торговый человѣкъ, ссыльный сынъ боярскій, отставной казакъ изъ новокрещенцевъ, два оброчника (толмачъ и палачъ), приказчикъ государевыхъ пашенныхъ крестьянъ, гулящіе люди 5 человѣкъ—всего 92 человѣка, а изъ уѣздныхъ людей 15 человѣкъ крестьянъ, дѣтей ихъ 5 и новокрещенцевъ 11 человѣкъ [3]).

Когда началось земледѣліе въ Нарымскомъ уѣздѣ и появились въ немъ крестьяне, мы не можемъ точно опредѣлить, но, кажется, не ранѣе 1620 года. Сѣяли хлѣбъ служилые люди, ружники, оброчники и государевы крестьяне, а пашни ихъ, какъ и государевы, находились при рѣкѣ Парабели. Вслѣдствіе отдаленности этихъ пашенъ отъ Нарыма, земледѣльцы терпѣли большія неудобства. Около 1640 года они били челомъ государю, что такъ какъ пашни отъ острога далеко и вода вешняя стоитъ долго, то имъ ѣздить къ церкви Божіей въ Нарымъ совсѣмъ неудобно: во время половодья нѣкоторые тонутъ, да и къ тому же бываетъ остановка въ пахотѣ и уборкѣ хлѣба, поэтому иные умираютъ безъ даровъ и похоронить нѣкому, роженицы бываютъ долгое время безъ молитвы, младенцы безъ крещенія и „намъ живетъ оскверненіе многое".

---

[1]) Сиб. Пр. кн. № 47 л. 162; кн. № 14 л. 52.
[2]) Сиб. Пр. кн. № 153.
[3]) Сиб. Пр. кн. № 204 л. 53.

Въ заключенiе этой челобитной они просили государя, „чтобы онъ пожаловалъ, велѣлъ поставить на своей пашнѣ церковь и прислать попа и церковное строенiе“ [1]). Просьба, вѣроятно, была исполнена; дворы упомянутыхъ земледѣльцевъ положили начало нынѣ существующему селу Парабельскому, находящемуся отъ Нарыма въ 25 верстахъ. Что же касается урожаевъ разныхъ хлѣбовъ на упомянутыхъ пашняхъ, то объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1637 году съ государевой пашни собрано 3750 сноповъ ржи, 3500—овса, 1150—ячменя, а вымолочено ржи 117 чет., овса—142 ч. и ячменя—28 ч.; судя же по количеству посѣянныхъ хлѣбовъ, мы видимъ, что рожь уродила самъ 7, овесъ самъ 5 и ячмень почти самъ 6.

Мѣстнаго государева хлѣба было слишкомъ недостаточно для покрытiя въ Нарымѣ окладныхъ и неокладныхъ хлѣбныхъ расходовъ, напр. въ 1637 г. нужно было дослать туда 356 ч. ржи, 202 ч. овса и 15 ч. ячменя [2]). Денежные доходы въ Нарымѣ тоже не покрывали мѣстныхъ денежныхъ расходовъ: въ 1625 году собрано денегъ всего 154 руб., а расходъ превышалъ почти на 100 р. [3]).

Инородческое населенiе Нарымскаго уѣзда состояло изъ остяковъ. Древнѣйшая ясачная книга, дошедшая до насъ, относится къ 1629 г. По этой книгѣ въ Нарымскомъ уѣздѣ были слѣдующiя инородческiя волости:

1) Нарымская нижняя при Оби, а въ ней лучшiй человѣкъ князецъ Ванга Кичеевъ и ясачныхъ людей 40 человѣкъ.

2) Нарымская верхняя при Оби, а въ ней лучшiй человѣкъ князецъ Тайбохта Вонинъ и ясачныхъ людей 50 человѣкъ.

3) Парабельская 1-я при Оби между среднимъ и нижнимъ кетскими устьями, а въ ней лучшiй человѣкъ князецъ Канна Киршинъ и ясачныхъ людей 32 человѣка.

4) Парабельская 2-я при р. Парабели, а въ ней лучшiй человѣкъ князецъ Сурайпа Сыцынъ и ясачныхъ людей 20 человѣкъ.

5) Парабельская 3-я при р. Парабели, а въ ней лучшiй человѣкъ Меръ и ясачныхъ людей 38 человѣкъ.

6) Парабельская 4-я, а въ ней лучшiй человѣкъ князецъ Ермачко Иласовъ и ясачныхъ людей 18 человѣкъ.

7) Ларпидская между среднимъ и нижнимъ кетскими устьями, а въ ней лучшiй человѣкъ князецъ Каско и ясачныхъ людей 26 человѣкъ.

---

[1]) Сиб. Пр. ст. № 6135 л. 40.
[2]) Сиб. Пр. кн. № 70 лл. 544 и 570.
[3]) Сиб. Пр. кн. № 8 л. 49.

8) Пиковская между среднимъ и тогурскимъ кетскими устьями, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Сонгу и ясачныхъ людей 16 чел.

9) Тогурская за тогурскимъ устьемъ, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Немгода и ясачныхъ людей 30 человѣкъ.

10) Чурабарская 1-я при Оби за тогурской волостью, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Ягода и ясачныхъ людей 20 человѣкъ.

11) Чурабарская 2-я (ibid.), а въ ней лучшій человѣкъ Мартырманъ и ясачныхъ людей 10 человѣкъ.

12) Чаинская при р. Чаѣ, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Тандаушъ и ясачныхъ людей 32 человѣка.

Всѣхъ ясачныхъ людей съ князьями въ Нарымскомъ уѣздѣ въ 1629 г. было 344 человѣка, а ясаку и поминковъ приходилось съ нихъ взять по сибир. цѣнѣ на 1608 руб. 27 коп. [1]). А судя по количеству собраннаго ясака, и въ 1625 г. ясачныхъ людей было столько же [2]).

Въ 1632 г. ясачныхъ людей во всѣхъ волостяхъ осталось 324 человѣка [3]). Затѣмъ въ 1634 году ясачные люди трехъ волостей—двухъ Чурабарскихъ и Чаинской били челомъ государю о томъ, чтобы имъ платить ясакъ не въ Нарымскій острогъ, который стоитъ отъ нихъ далеко, а въ Томскій городъ. Государь пожаловалъ и въ Нарымскомъ уѣздѣ такимъ образомъ остались только 9 инородческихъ волостей. Но нарымскіе воеводы не хотѣли уступить этихъ волостей и добились было того, что въ 1639 г. царь указалъ упомянутымъ волостямъ снова платить ясакъ въ Нарымъ. Тогда инородцы послали вторую челобитную Государю, въ которой писали: „Нарымскіи острогъ отдалѣлъ, а Томскій городъ прилегъ близко, да въ Нарымѣ сиротамъ твоимъ, кромѣ ясака великая натуга—ежегодно чинимъ острогъ и дѣлаемъ всякія острожныя подѣлки; возимъ дрова для съѣзжей избы, торговой бани и для поварни, гдѣ вино курятъ, варятъ пиво и брагу, да съ насъ же ежегодно берутъ рыбу, хмель, сумы, ремни и бересту“. Въ заключеніе челобитной инородцы писали, что если ихъ государь не пожалуетъ и оставитъ за Нарымомъ, то имъ придется окончательно разориться и брести врозь [4]).

Государь пожаловалъ и волости Чурабарскія и Чаинская навсегда приписаны къ Томску.

---

[1]) Сиб. Пр. кн. № 19 л. 735.
[2]) Сиб. Пр. кн. № 17 л. 99.
[3]) Сиб. Пр. кн. № 34 л. 724.
[4]) Сиб. Пр. ст. № 90 лл. 243—248.

По ясачной книгѣ 1641 года за Нарымомъ значилось 9 инородческихъ волостей, въ которыхъ ясачныхъ людей было только 135 человѣкъ [1]). Ясачную книгу 1645 г. мы не нашли и потому точно опредѣлить за этотъ годъ число ясачныхъ людей въ Нарымскомъ уѣздѣ не можемъ.

Шертовали Алексѣю Михайловичу въ январѣ 1646 года только 67 нарымскихъ остяковъ, но число ясачныхъ людей было несравненно больше: если судить по количеству собраннаго ясака за 1646 и 47 гг., то ихъ было около 200 человѣкъ [2]). Тѣмъ не менѣе убыль ясачныхъ людей въ Нарымскомъ уѣздѣ довольно значительная и является вопросъ о причинахъ этой убыли. Отписка трехъ волостей къ Томскому уѣзду еще не рѣшаетъ вопросъ: въ нихъ было не болѣе 60 человѣкъ. Но мы знаемъ другія причины убыли ясачныхъ людей въ Нарымскомъ уѣздѣ. Во-первыхъ христіанская религія имѣла значительный успѣхъ среди остяковъ этого уѣзда, а новокрещенные освобождались отъ ясака и записывались въ служилые люди: къ 1640 г. подъ Нарымомъ образовалась цѣлая деревня новокрещенцевъ и нѣсколько крещеныхъ остяковъ жили въ самомъ городѣ, по документамъ, которые мы имѣли въ рукахъ, таковыхъ было 20 человѣкъ (семействъ), но на самомъ дѣлѣ ихъ было значительно болѣе. Во-вторыхъ нарымскіе остяки въ это же время много пострадали отъ оспы, которая при первомъ появленіи въ Сибири въ высшей степени губительно дѣйствовала на инородцевъ. Наконецъ многіе разбѣжались вслѣдствіе недостатка пушныхъ звѣрей въ Нарымскомъ уѣздѣ. Мы видимъ постоянныя жалобы на нарымскихъ остяковъ со стороны сургутскихъ, кетскихъ и томскихъ инородцевъ въ томъ, что они охотятся въ ихъ лѣсахъ и выбиваютъ звѣря, а нарымцы въ свою очередь жалуются, что въ ихъ уѣздѣ нѣтъ никакого звѣря и, если имъ не „звѣровать“ въ другихъ мѣстахъ, то совсѣмъ нечѣмъ будетъ уплачивать ясакъ. Такъ въ 1644 г. нарымскіе остяки, жалуясь на воеводъ, что они вмѣсто умершихъ прибираютъ для платежа ясака недорослей и захребетниковъ, пишутъ: „намъ, государь, стало не вмочь—звѣрь въ Нарымскомъ уѣздѣ вывелся и мы для твоего государева ясака ходимъ вдаль въ Енисейскій, Тазовскій, Сургутскій и Тарскій уѣзды и въ то время, когда бываемъ на промыслахъ, тѣ захребетные люди помогаютъ намъ въ подводахъ и гонцахъ, кормятъ нашихъ женъ и дѣтей.... Да насъ сиротъ твоихъ, на тѣхъ промыслахъ въ Енисейскомъ, Томскомъ, Кетскомъ, Тарскомъ, Тазовскомъ (Манга-

---

[1]) Сиб. Пр. кн. № 144 л. 203.

[2]) Сиб. Пр. кн. № 204 л. 65; кн. № 221 л. 159; кн. № 17 л. 99.

4

зейскомъ) и Сургутскомъ уѣздахъ наша братія остяки и татары бьютъ и грабятъ и запасы отнимаютъ....“ Въ заключеніе челобитной нарымцы просили государя а) запретить воеводамъ облагать ясакомъ ихъ помощниковъ—захребетныхъ людей и недорослей, а b) издать указъ, чтобы имъ было вольно ходить на промыслы въ другіе уѣзды и чтобъ тамъ не дѣлали имъ никакихъ обидъ [1]). Изъ разныхъ документовъ мы узнаемъ, что, дѣйствительно въ Нарымскомъ уѣздѣ было мало пушныхъ звѣрей и это обстоятельство заставляло нарымскихъ остяковъ оставлять родныя мѣста и переселяться въ другіе уѣзды. Самая высокая рыночная цѣна на людей въ Нарымѣ указываетъ на малонаселенность этого края. Напримѣръ: остякъ Анса отдалъ сына своего Кареллю въ холопы десятнику Антону Яковлеву за „кобылу большую, за жеребца 2-хъ лѣтъ, быка 4-хъ лѣтъ, кусокъ сукна и 4 хлѣба“. Другой остякъ закабалилъ себя попу Якову и за кабалу взялъ зипунъ сермяжный въ $2^1/_2$ р., быка цѣною одинъ рубль, 10 аршинъ покроми, 8 ложекъ и 4 гребня роговыхъ [2]).

Кетскъ и Кетскій уѣздъ (1602—1654 г.).

Годъ основанія Кетскаго острога мы не можемъ точно опредѣлить. Знаемъ только, что онъ построенъ послѣ Нарыма и, по всей вѣроятности, въ 1602 г. и никакъ не позже. Нарымскіе служилые люди, подвигаясь по Кети далѣе и далѣе вверхъ этой рѣки, скоро добрались до ея верховьевъ и всѣхъ инородцевъ, жившихъ на этомъ пути, обложили ясакомъ. Но въ 1602 г. при сургутскомъ воеводѣ Яковѣ Борятинскомъ произошелъ общій бунтъ нарымскихъ остяковъ, измѣнили также нижнія и верхнія кетскія волости. Бунтъ былъ усмиренъ въ томъ же году и тогда же, вѣроятно, построенъ Кетскій острогъ, такъ какъ изъ Нарыма невозможно было держать въ повиновеніи верхнія кетскія волости, изъ коихъ нѣкоторыя находились отъ Нарымскаго острога въ разстояніи на двѣ и на три недѣли пути, плывя вверхъ по Кети. Относительно мѣста перваго Кетскаго острога мы можемъ только сказать, что оно находилось при р. Кети, значительно выше нынѣшняго села Кетскаго и именно въ Енесейскомъ уѣздѣ (17 в.), въ Урнуковой или Пумпокольской волости, приблизительно верстъ на 200 отъ упомя-

---

[1]) Сиб. Пр. ст. № 136 л. 342—344; ст. 112 л. 427 и д. ст. 136 л. 605; ст. № 12 л. 406.

[2]) Сиб. Пр. ст. 91 лл. 49—54.

нутаго села. На это мы имѣемъ положительное указаніе въ одной отпискѣ кетскаго воеводы отъ 1634 года: въ ней читаемъ, что одинъ служилый человѣкъ, передавая кетскому воеводѣ объ измѣнѣ тунгусовъ и тулкинцевъ, сказалъ ему, что эти вѣсти онъ услышалъ, *когда находился, плывя въ Енесейскъ, въ Урнуковой волости, противъ стараго кетскаго городища* [1]).

Въ то время Кетскій уѣздъ былъ довольно обширный и изъ Кетскаго острога собирали ясакъ не только съ остяковъ, жившихъ по всей рѣкѣ Кети, но и съ Тулкиной землицы. И количество ясака было громадное: въ 1605 году царю Димитрію Ивановичу кетскій воевода прислалъ болѣе 70 сороковъ соболей, болѣе сотни бобровъ, нѣсколько десятковъ лисицъ, ярцевъ, кошлаковъ и собольихъ шубъ [2]).

Но недолго Кетскъ находился на своемъ первоначальномъ мѣстѣ и хотя годъ перенесенія его на новое мѣсто мы точно не можемъ указать, однако не ошибемся, если скажемъ, что Кетскій острогъ перенесенъ изъ Урнуковой волости между 1606 и 1610 годами: ибо изъ документовъ видно, что въ 1605 г. онъ находился еще на старомъ мѣстѣ, а въ 1610 г. уже на новомъ. Поводомъ къ перенесенію Кетска ближе къ устью рѣки Кети была трудная доставка туда хлѣбныхъ запасовъ, такъ какъ въ верхнихъ мѣстахъ Кети за мелководьемъ не могли плавать большія суда.

Новое мѣсто для Кетска было избрано при той же рѣкѣ, именно отъ ея нижняго устья на семь дней пути, если плыть вверхъ, т. е. то мѣсто, гдѣ нынѣ находится Кетское село. Новый острогъ представлялъ небольшую крѣпость по длинѣ 15 саж. и поперегъ $7^1/_2$ саж. Скоро, однако, оказалось, что это мѣсто выбрано неудачно: берегъ рѣки Кети, на которомъ стоялъ острогъ, постепенно смываясь водою, все болѣе и болѣе уменьшался и къ 1612 г. рѣка Кеть уже угрожала острожной стѣнѣ. Тогдашній кетскій голова Гр. Еліазаровъ въ 1612 г. писалъ боярамъ. „Въ прошломъ году въ кетскомъ острогѣ вешнею водою отмыло берегъ по самый острогъ... и оставалось берегу сажени полторы. Но въ нын. 1612 г. и тѣ полторы сажени отмыло по самыя ворота и казачью избу. Я велѣлъ перенести ворота на другую сторону, а впередъ на новый годъ кетскому острогу въ томъ мѣстѣ стоять невозможно....“ [3]). И сургутскіе служилые люди говорили въ Москвѣ, что Кетскъ, какъ и Нарымъ, стоятъ „не у мѣста“, что эти остроги слѣдуетъ разорить и построить

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № II л. 172.

[2]) А. М. И. Д. Портф. Миллера 478, 11, № 33.

[3]) Оп. Сиб. Цар. Миллера стр. 260 смт. отписку Еліазарова къ боярамъ.

на новыхъ мѣстахъ. Миллеръ утверждаетъ, что Кетскій острогъ дѣйствительно былъ перенесенъ около 1613 г. на новое мѣсто, отстоящее отъ прежняго на 215 верстъ [1]). И въ этомъ случаѣ онъ неправъ, какъ и относительно перенесенія Нарыма; очевидно Миллеръ перепуталъ данныя и то, что касалось перенесенія Кетска, о которомъ мы выше упоминали, отнесъ къ 1613 году. На самомъ же дѣлѣ Кетскъ оставался на прежнемъ мѣстѣ, хотя, можетъ быть, и былъ нѣсколько подвинутъ отъ берега. Изъ отписки Еліазарова въ 1611 г. видно, что Кетскій острогъ въ это время находился отъ кетскаго устья на 7 или на 8 дней пути, если плыть вверхъ по р. Кети. На томъ же мѣстѣ мы видимъ его въ теченіе всего 17 в., т. е. тамъ же, гдѣ находится нынѣшнее Кетское село. Въ 1627 г. при воеводѣ Иванѣ Кологривовѣ Кетскъ весь сгорѣлъ. Его преемникъ Данилъ Полтевъ объ этомъ по постройкѣ новаго острога писалъ въ Тобольскъ слѣдующее: „велѣно мнѣ быть на службѣ въ Сибирѣ въ кетскомъ острогѣ на мѣсто Ивана Кологривова.... и я пріѣхалъ въ кетскій острогъ на пустое мѣсто, острогъ сгорѣлъ весь безъ остатка, не осталось ни одной хоромины, а сгорѣлъ острогъ за три недѣли до моего пріѣзда 1627 года 29 Іюля и въ тѣ три недѣли Иванъ Кологривовъ лѣсу на острогъ не приготовилъ ничего. И я, пріѣхалъ въ кетскій острогъ 21 Августа, началъ съ того же дня готовить лѣсъ сургутскими годовальщиками и проѣзжими торговыми и промышленными людьми. Приготовивъ лѣсъ, я поставилъ острогъ на томъ же мѣстѣ на берегу (лѣвый берегъ) рѣки Кети, на плоскомѣстьѣ, съ рѣчной стороны яръ, а острогъ дѣлался вверхъ три сажени безъ локтя, бревна ставлены иглою (перпендикулярно), въ длину 15 саж., поперегъ 9 саж., въ нижней стѣнѣ по угламъ поставлены двѣ избы и на одной изъ нихъ сдѣлалъ караулъ; да въ острогѣ поставилъ амбары для всякой государственной казны—пороху, свинцу, хлѣба и денегъ, а старый острогъ былъ въ длину 15 же саж., а поперегъ 7 $^1/_2$ саж....“ [2]).

Относительно населенія Кетска въ обозрѣваемый нами періодъ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Кромѣ сургутскихъ 20 годовальщиковъ, ежегодно мѣнявшихся, и неизбѣжныхъ въ каждомъ сибирскомъ городѣ—сторожа, палача, воротника и толмача, съ построеніемъ церкви во имя св. Троицы въ немъ появились попъ, дьячекъ, пономарь и просвирница. Другихъ жителей въ немъ не было. „А жилыхъ торговыхъ людей, читаемъ въ именныхъ спискахъ, за всѣ годы въ кетскомъ острогѣ нѣтъ ни одного человѣка“.

---

[1]) Опис. Сиб. Цар. стр. 260.

[2]) А. М. И. Д. Портф. Миллер. 478. 1 № 15.

Въ 1641 г. въ Кетскѣ построена была новая церковь тоже во имя Троицы и съ предѣломъ пр. о. Михаила. Тогдашніе насельники Кетскаго острога 2 десятника съ 20 чел. служащихъ казаковъ и стрѣльцовъ; да ружники попъ Михаилище Матѳеевъ съ товарищами 8 ч., воздвигнувъ упомянутую церковь, били челомъ государю о пожертвованіи въ церковь „мѣстнаго образа царскаго ангела, образовъ праздниковъ господскихъ, деисусовъ ризъ, и всякаго церковнаго строенія", подобно тому какъ и въ церковь стараго острога были пожертвованы царемъ Михаиломъ упомянутые священные предметы [1]).

Денежные кетскіе доходы были ничтожны; они состояли изъ разныхъ пошлинъ и никогда не превышали 30 р.; въ 1628 г. такихъ денегъ собрано только 24 р. 49 к., а денежные расходы въ Кетскѣ за этотъ годъ равнялись 25 р. [2]).

Но мягкой рухляди съ инородцевъ Кетскаго уѣзда всегда собиралось достаточно. Правда съ перенесеніемъ Кетска на новое мѣсто (между 1606 и 1610 гг.) ясачный сборъ значительно уменьшился: въ Тулкину землицу теперь уже невозможно было посылать ясатчиковъ за ея отдаленностію, а съ основаніемъ Енесейскаго острога, къ этому послѣднему отписали двѣ верхнія кетскія волости—Пумпокольская съ княземъ Урнукомъ и Кадижская съ княземъ Номакомъ [3]). Такъ что за Кетскомъ осталось только шесть инородческихъ волостей; всѣ онѣ находились по р. Кети и населены были остяками. Въ 1625 г. ясачныхъ людей въ этихъ волостяхъ было всего 130 человѣкъ, платившихъ въ государеву казну по 11 соболей съ человѣка; всего ясака и государевыхъ и воеводскихъ поминковъ собрано въ этомъ году нѣсколько болѣе 36 сороковъ соболей, по московской оцѣнкѣ на 1200 р. [4]). Послѣ 1626 г. мы не встрѣчаемъ въ Кетскомъ уѣздѣ волости Мурзиной: жители ея, вѣроятно, или вымерли, или разбѣжались. По ясачной книгѣ 1629 г. въ этомъ уѣздѣ были слѣдующія инородческія волости:

1) Киргѣева, ниже Кетска по р. Кети, а въ ней ясач. людей 45.
2) Питкина, выше Кетска, ясач. л. 15.
3) Иштанова, ясач. л. 23.
4) Кашкина, ясач. л. 27.
5) Лелькина, Порубежная съ Енесейскомъ у., ясач. л. 25.

---

[1]) А. М. Ю. Спб. Пр. ст. № 112 л. 477.
[2]) Ibid. Сиб. Пр. кн. № 19 л. 498 и л. 507.
[3]) Ежем. сочин. 1764 г. Мар. 7 стр. 214 Прод. Сибир. Ист. Миллера.
[4]) А. М. Ю. Спб. Пр. кн. № 4 л. 409; ст. № 11 л. 170; кн. № 17 л. 109.

Всего въ этихъ волостяхъ ясачныхъ людей 135 человѣкъ; ясаку съ нихъ въ 1629 г. взято болѣе 36 сороковъ соболей, по московской оцѣнкѣ на 1012 р. [1]).

Затѣмъ число ясачныхъ инородцевъ въ Кетскомъ уѣздѣ постепенно уменьшалось и къ 1645 г. осталось только 90 человѣкъ [2]). Сами кетчане объясняютъ причину запустѣнія ихъ земли. Въ 1644 г., жалуясь на нарымскихъ остяковъ, такъ писали въ своей челобитной: „тѣ нарымскіе мужики приходятъ на р. Кеть и своимъ насильствомъ отнимаютъ наши рѣки бобряныя, выбиваютъ выдръ, лисицъ и соболей, видя наше безсиліе, что мы теперь гнѣвомъ Божіимъ вымерли и земля Кетскаго острога опустѣла“ [3]).

Изъ кетскихъ инородцевъ, принявшихъ христіанство, мы встрѣтили только одного человѣка; онъ жилъ въ Кетскѣ и служилъ въ качествѣ толмача.

---

[1]) Сиб. Пр. кн. № 47 л. 486; кн. № 20. Московская оцѣнка была значительно выше сибирской, напр. кетскій ясакъ 1627 г. въ Тобольскѣ оцѣненъ въ 866 р. 60 к., а въ Москвѣ въ 1298 р. 93 к. кн. № 17 л. 109.

[2]) Сиб. Пр. кн. № 221.

[3]) Сиб. Пр. ст. № 98 лл. 3—6.

Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета“ вып. II 1893 г.

Харьковъ. Типографія Адольфа Дарре, Рыбная ул., № 28.

